

гой Паардекопера является то, что он стремится применить принципы и методы структурного анализа к описанию грамматического строя конкретного языка. Анализ синтаксической структуры голландского языка основан у него на обширном фактическом материале, что избавляет книгу Паардекопера от одного из существенных недостатков, присущих структуралистским работам подобного типа, а именно — отвлеченности и оторванности от конкретной языковой специфики. Положительным моментом является также чрезвычайная полнота исследуемого материала, широкий охват различных моделей предложения в голландском языке, учет их продуктивности и распространности в языке, попытка дать классификацию типов предложений, отличную от традиционной, и т. п.

Однако, ограничиваясь формальной стороной при классификации различных структурных типов предложения в голландском языке и полностью игнорируя их содержание (значение), Паардекопер не воссоздает в своем исследовании общей картины синтаксического строя голландского языка в его конкретном своеобразии. Весьма неясным и расплывчатым представляется членение предложения на составляющие его элементы (члены предложения и части членов предложения), среди которых не выделяются четко главные и второстепенные единицы. Общим недостатком работы Паардекопера является также недооценка морфологии, стирание границ между ней и синтаксисом, растворение морфологии в синтаксисе. Проводимый автором структурный анализ предложения без учета качественной специфики таких основных языковых единиц, как слово, словосочетание и предложение, приводит к стиранию границ между этими категориями, что проявляется, между прочим, в использовании иногда автором морфологических критериев и соответствующей терминологии при построении системы членов предложения. Специфику той или иной синтаксической связи (в частности, отношение подчиненности, зависимости одного члена предложения от другого) он также не учитывает. Все это свидетельствует о недостаточной четкости и последовательности синтаксической концепции автора. Тем не менее нельзя не признать, что рецензируемая книга представляет несомненный интерес в своей исследовательской части как одна из немногих попыток применения структурального анализа к синтаксису конкретного языка.

С. А. Миронов

Pierre Fouché. Traité de prononciation française. — Paris, Librairie C. Klincksieck, 1956. LXIII, 528 стр.

Книга Пьера Фуше является подробным справочным пособием по произношению современного французского языка. Это пособие рассчитано в первую очередь на иностранцев. Учитывая название книги, П. Фуше пользуется международной транскрипцией¹, подробно излагает произношение имен собственных (французских и иностранных слов¹), а также заимствованных иностранных слов (в том числе и русских), характеризует звуки французского языка сравнительно с другими языками.

П. Фуше — профессор Сорбонны, директор Института фонетики Парижского университета, профессор Школы дикторов французского радиовещания и телевидения — является одним из лучших специалистов по современной и исторической фонетике французского языка и лучшим знатоком современного литературного произношения. Таким образом, читатели рецензируемой книги могут вполне положиться на сведения о произношении тех или иных слов, которые приводятся в книге П. Фуше.

Устанавливая правила произношения, П. Фуше иллюстрирует их очень большим количеством примеров — см., например, 14 страниц списков слов с *h aspiré* (стр. 252—265). Всего в книге цитируется около 30 000 слов, из них около 10 000 названий местностей и имен собственных. Высвяс в пособиях аналогичного типа мы встречаем столь большое внимание, уделяемое ономастике.

Книгу в целом характеризует то, что автор учитывает разные темпы и разные стили произношения, что особенно важно в главах, посвященных *liaison* и *e muet*.

Нормой произношения современного французского языка Фуше считает тщательно отработанную речь культурного парижанина — «*conversation soignée chez les Parisiens cultivés*», родившегося в конце XIX или в самом начале XX в. (см. «Предисловие»).

¹ Большое место уделяется и русским именам, особенно географическим названиям. Так, на стр. 283 дается написание Могилева — *Mohilev* с указанием, что интервокальное *h* в иностранных и древних именах собственных не произносится (исключая югославские, где оно звучит как [k] или [x] — *Grahovo*); здесь же находим Бежецк — *Bejetsk*, где *j* передает [з]; на стр. 347 находим Нижний Новгород — *Nijni-Novgorod*; на стр. 349 Абхазия — *Abkhasie* [abkazi] и т. д.

Во «Введении» (стр. IX—LXIII) дается подробная характеристика звуков французского языка сравнительно с немецким, английским, испанским, португальским, итальянским, датским, шведским, голландским, польским, чешским и венгерским языками (см. в конце книги таблицу звуковых соответствий этих языков). К сожалению, сравнение с русским языком отсутствует, хотя автор мог бы воспользоваться для этого прекрасной книгой Л. В. Щербы, в которой французские звуки последовательно сравниваются с русскими¹. Во «Введении» излагаются также интересные и новые для нас сведения о длительности гласного, о соединении звуков в речевом потоке и об ударении.

Первая часть книги (стр. 3—230) посвящена гласным. Следует отметить чрезвычайно подробно и интересную характеристику *e muet* (глава III, стр. 91—139); Фуше детально рассматривает случаи, когда подряд встречается несколько слогов с *e muet* (стр. 105—132). Следует отметить уточнения к так называемому «закоу» трех согласных» (стр. 96—100). Фуше пишет, что единственно важным при установлении произношения *e muet* внутри слова является количество согласных, производимых до *e muet*: при двух согласных *e* сохраняется (*accordera, accoutrement* и т. д.), при одном — падает (*échevin, empereur* и т. д.). Отсюда — возможность групп даже в четыре согласных без *e*, например в *pas de scrupules!* [pa d skrupyl].

Во второй части (стр. 437—477) изучаются согласные в начальной, срединной и конечной позициях. Последняя, восьмая, глава этой части (стр. 437—477) посвящена так называемому «связыванию».

К книге приложена таблица «От буквы к звуку», а также указатель слов, представляющих наибольшие трудности для произношения.

*

Книга П. Фуше чрезвычайно полезна для справок о произношении того или иного слова и, особенно, имен собственных. Так, например, в нашей научной и педагогической практике встречаются самые разные произношения и написания фамилии известного исследователя французского языка, ныне профессора Лилльского университета G. Sougenheim — Гужевейм, Гуженкейм, Гугенем, Гугенейм, Гугенхейм. Фамилия эта германская, что и создает трудности при ее передаче. Из книги П. Фуше мы узнаем, что по нормам современного французского литературного произношения следует говорить Гугенем, так как 1) *g+e* в середине слова в именах собственных германского происхождения произносится [ge] — стр. 286; 2) *h* в середине слова не произносится — стр. 283; 3) *em* произносится [ɛm] в именах собственных немецкого происхождения в том случае, если они принадлежат французам — стр. 163 (ср. с примерами на стр. 286 *Gysegem, Sottegem* и др.). Таким образом, если в первой части этой фамилии сохраняется германское произношение [digen], то во второй — французское [ɛm].

Произношение и написание фамилии известного лингвиста Ch. Bally также часто вызывает затруднения (*Балли* или *Байи?*), хотя в последнее время у нас установилась транскрипция *Балли*. На стр. 306—309 книги П. Фуше мы читаем, что во всех французских именах двойное *ll* после гласных (кроме *i*) произносится либо как [ll] — *Allobroges, Bellune, Sully* и др., либо чаще как [i] — *Allan, Bally, Belleau* и др. Таким образом, наиболее правильная передача этой фамилии — *Бали*.

Аналогичным образом мы узнаем, что Нугор следует произносить [нугор], а не [нйгор] — стр. 227, что G. Paris хотя и произносится с конечным *s*, но имеется тенденция говорить [paʁi] — стр. 399, Rem. III и многое другое.

*

Материалы, приведенные Пьером Фуше, липний раз доказывают, насколько быстро меняется произношение французского языка. Некоторые данные, известные нам по книге Л. В. Щербы, первое издание которой вышло в 1937 г., уже не отвечают нормам современного произношения. Сказанное относится, например, к долготе гласных, в частности к открытому [ɛ:]. Фуше на стр. XXXIX пишет, что [ɛ:] встречается лишь перед конечными [r], [ʒ], [z], [v], в то время как во всех остальных случаях долгота не наблюдается — *tête* [tɛt], *fraîche* [frɛʃ], *chêne* [ʃɛn], *blâme* [blɛm], *pêche* [pɛʃ] и др. Таким образом, по Фуше, [ɛ:] обусловлено лишь позицией в слове; фонологическое противопоставление [ɛ:t] *tête* «голова» и [tɛt] *tette* «соси» (см. Л. В. Щерба, стр. 40) в середине XX в., по-видимому, не имеет места.

Но П. Фуше, *ai* произносится как [ɛ] перед сочетанием одного или двойного согласного + гласная, например в словах *laisse, caisse, épaisseur* и др. (стр. 31). В книге Л. В. Щербы находим, однако, [ɛ:] в *baisse, caisse, épaisse, haïsser, graïsser* (см. стр. 200).

Некоторые изменения произошли также и в *liaison*, которое часто перестает употребляться в случаях, когда оно раньше имело место. Так, например, у Л. В. Щербы

¹ Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, 5-е изд., М., 1955.

на стр. 120 (§ 180) мы читаем, что не невозможны слитные формы от глаголов перед дополнениями — *ils ont fait un plan*. Однако в многочисленных случаях, перечисленных у Фуше (всего тридцать, стр. 469—477), liaison между глаголом и последующим словом имеет место лишь в случаях типа *prends en, finis en* (стр. 474, случай 20), либо в *que dit il, que voit elle* (стр. 475, случай 21).

Если Л. В. Щерба пишет, что не невозможно сказать [divin om'a:r] вместо [diven om'e:r] *divin Homère* (стр. 119, сноска), то у П. Фуше такое произношение прилагательного дается как современная норма в сочетании не только с *Homère*, но и с рядом других имен — *le divin Achille, le divin Ulysse, le divin Enfant, le divin amour* (стр. 435).

Скажем еще несколько слов о двух французских *a* — переднем и заднем. Известна тенденция к слиянию этих звуков в одно среднее *a* (см. Л. В. Щерба, стр. 47—48). Из работы П. Фуше, следует, что, по-видимому, еще рано говорить о слиянии этих звуков, поскольку *a* заднее имеет еще довольно большое распространение (см. стр. 57 и сл.). Соответственно в ряде случаев мы находим незначительные колебания в определении качества *a* у Щербы и у Фуше.

Из приведенной выше характеристики рецензируемой книги очевидно, что книга П. Фуше не является сугубо теоретическим трудом по фонетике современного французского языка. Сам автор неоднократно указывает на то, что назначение книги практическое, справочное (см., например, стр. ХХХ). Об этом в первую очередь свидетельствует то, что П. Фуше совершенно игнорирует вопросы фонемного состава французского языка. Тем не менее, благодаря очень тщательному изучению произношения отдельных звуков, наблюдения, сделанные П. Фуше, содержат богатый материал не только для установления норм литературного произношения французского языка середины ХХ в., но и для целого ряда таких проблемных вопросов французской фонетики, как долгота гласного, связывание, произношение беглого *e* и т. д.

М. А. Бородина

Jean Denu. Principes de grammaire turque (*turk* de Turquie). — Paris, 1955. 184 стр.

Среди грамматик турецкого языка одно из первых мест по глубине теоретической разработки, строгости научной схемы и богатству фактического материала продолжает занимать «Грамматика турецкого языка» известного французского тюрколога Ж. Дени, изданная в 1920 г.¹ В результате дальнейших многолетних наблюдений и исследований в области турецкого языка Ж. Дени подготавливает второе расширенное издание своего труда, которому и предпосылаются в виде обширного введения «Основы грамматики турецкого языка». Указанная работа, имеющая самостоятельное значение, представляет собою обобщение важнейших явлений в области фонетики и морфологической структуры слова и, по мысли автора, является своего рода ключом к разделу морфологии.

«Основы турецкой грамматики» состоят из «Предисловия» (стр. 6—7), «Введения» (стр. 9—21), двух основных частей (стр. 23—171) и приложений (стр. 173—179). В «Предисловии» мы находим указание на то, что автор пересмотрел некоторые положения, изложенные им в «Грамматике» (распространение закона губного притяжения на все слово, а не только на аффикс; признание тенденции к оглушению звонких согласных в конце слова или после глухой согласной — явление, которое получило особое развитие после реформы алфавита и не было отмечено автором в «Грамматике»; различение двух типов спряжения — предикативного и посессивного). В первой части работы, «Звуки» (стр. 23—47), дано описание фонемного состава турецкого языка; во второй части «Слово» (стр. 49—171), слово характеризуется с точки зрения фонологии (стр. 49—165) и с точки зрения его морфологической структуры (стр. 166—171). Таким образом, значительная часть «Основ» посвящена вопросам фонетики турецкого языка. При этом автор ставил перед собою задачу показать принципы взаимной связи и обусловленности фонетических явлений и закономерностей турецкого языка; однако, поскольку такой анализ не мог быть сделан без детального описания фонетической системы языка в целом, данная часть работы может рассматриваться как монографическое исследование по фонетике. В работе читатель найдет очень много частных наблюдений, касающихся различных явлений как современного языка, так и языка турецких памятников. Вызывает интерес то, что Ж. Дени разграничивает фонологический анализ в отношении к слову и в отношении к процессу наращивания слова аффиксами. Это обусловило такие разделы второй части работы, как «Фонетика слова (производного и непроизводного)», «Фонетика аффикса», «Фонетика аффиксального

¹ J. Denu, Grammaire de la langue turque, Paris, 1921 (обл.: 1920).